

ства" (стр. 180—1). Авторъ считаетъ нужнымъ защищать Тюрго, и въ своей защитѣ доходитъ до странныхъ увлеченій. Официальный ораторъ Сегье, краснорѣчивый противникъ реформы, осуждается г. Афанасьевымъ съ непомерною суровостью. „Когда доходишь до конца его рѣчи,—замѣчаетъ онъ,—прочтешь его патетическую защиту королевскаго достоинства и въ то же время инсинуацію противъ автора закона, уваженіе къ оратору рушится (?), неблагоприятность приѣма подрываетъ вѣру въ его искренность" (стр. 190). А между тѣмъ, доводы Сегье были съ тогдашней точки зрѣнія вполне убѣдительны и не заключали въ себѣ десятой доли той рѣзкости, которая практикуется даже въ настоящее время въ газетныхъ и парламентскихъ спорахъ.

Важный эдиктъ объ уничтоженіи натуральной дорожной повинности также подробно разобранъ авторомъ. Тюрго старался убѣдить короля, что необходимо „придать законамъ характеръ разумности и справедливости, такъ какъ только эти качества могутъ сдѣлать ихъ долговѣчными". Притомъ „правительству не нужно будетъ наказывать за преступленія, вызываемыя дорожною повинностью, и можно будетъ экономизировать употребленіе власти, расточать которую такъ вредно". Взамѣнъ повинности, возложенной на однихъ неимущихъ поселянъ, Тюрго предложилъ установленіе денежнаго налога, который уплачивался бы всѣми и преимущественно землевладѣльцами, какъ наиболѣе заинтересованными въ устройствѣ хорошихъ дорогъ. Противъ этого проекта поднялась сильнѣйшая оппозиція при дворѣ и среди привилегированныхъ сословій. Противники ссылались на прирожденное право дворянства — свободу отъ всякихъ податей. „Трудно хвастаться,—возражалъ Тюрго,—изъятіемъ отъ податей въ качествѣ дворянина въ виду экзекуціи надъ крестьянскою лачугою". На Тюрго стали нападать, какъ на человѣка безпокойнаго, который грозилъ „сократить синекуры сановныхъ дармоѣдовъ" и „мѣшалъ беззаботно-веселой жизни добраго стараго времени". Для оцѣнки этой борьбы, которую пришлось выдержать министру, авторъ пользуется не только серьезною литературою той эпохи, но и брошюрами, стихотвореніями, анекдотами и популярными пѣснями, которыя приводятся цѣликомъ въ оригиналѣ. Быть можетъ, авторъ придаетъ слишкомъ много значенія этому послѣднему роду историческаго матеріала; такъ онъ выражается объ одной пѣснѣ, что она „могла служить лучшею наградою (?) для Тюрго за его труды на пользу народа" (стр. 239). Напрасно также опредѣляется съ такою преувеличенною точностью моментъ появленія каждой пѣсни или куплета, съ обозначеніемъ числа того мѣсяца, когда извѣстные стихи появились; эта точность была бы гораздо болѣе